

3. Дугаев Д., Лурье Д. Интернет. Путеводитель «Афиши». М., 2005
4. Миронов В. В., Иванов А. В. Онтология и теория познания. М., 2005
5. Чаньшев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981
6. «Интернет в России: Экономика внимания». М., 2004
7. Хайдеггер М. Platen's Lehre von der Wahrheit, Bern, 1947

*Светлана Федоровна РУДНЕВА —
соискатель Тюменского государственного
университета*

УДК 2-12

БОГОИСКАТЕЛЬСТВО В РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

АННОТАЦИЯ. В данной статье анализируются причины создания Д. Мережковским системы «неохристианства»; определена роль философа в утверждении «нового религиозного сознания».

The reasons of creation by D. Merezhkovsky of the system of «neochristianity» are analyzed in given article, and also, the role of the philosopher in the confirmation of «the new religious consciousness» is determined.

Пытаясь определить генезис смертоносных идей, парализовавших Россию в XX столетии, Д. Мережковский пришел к выводу, что социальные катастрофы в истории являются следствием «обмеления духа», духовного кризиса, отказа от Бога, переживаемого всем христианским человечеством. Философ мечтал о религиозной революции, о духовном перевороте, которые он рассматривал как созидательный путь развития, заключающийся в переосмыслении мира, установлении Царства Третьего Завета, Царства Любви и Свободы. В результате «революции духа» религия должна будет принять и освятить человеческую плоть, человеческое творчество, свободу человека. Утверждаемая «новой религией» Мережковского система нравственно-религиозных ценностей — Царство Божье на земле, добро, мир, любовь, свобода, истина, с одной стороны, традиционна для русской нравственно-религиозной доктрины, с другой — подвергается переосмыслению в контексте универсального нравственно-религиозного идеала.

Согласно исследованиям историков философии, для русской жизни начала XX в. было характерно не только революционное движение в социально-политической области, но и революционное или реформистское движение в религиозно-философской области. В. В. Зеньковский определяет характерные черты и значение реформистского движения в религиозно-философской области, которое он называет «новым религиозным сознанием»: 1) оно строит свою программу в сознательном противопоставлении себя историческому христианству; 2) ждет новых откровений; 3) создает (под влиянием Вл. Соловьева) утопию «религиозной общности»; 4) в то же время насыщено эсхатологическими ожиданиями. Значение «нового религиозного сознания заключается в том, что оно было плодотворным для дальнейшего развития русской философии, в первую очередь ее идеалистического направления» [1; 335].

Датой формирования «религиозного сознания» как течения русской религиозной мысли принято считать 1901 г., когда в Санкт-Петербурге стали проводиться религиозно-философские собрания, инициаторами которых выступили Мережковский, его жена З. Н. Гиппиус, Д. Filosoфов и В. В. Розанов. Формирование идеи «нового религиозного сознания» в обществе решило бы задачи:

1) преодоления недостатков традиционного церковного православия, 2) противостояния материализму и атеизму, 3) возрождения подлинного значения религии и религиозного чувства в культуре.

Исследователи русской философии и культуры Серебряного века особо подчеркивают роль Мережковского как лидера «нового религиозного сознания». Н. А. Бердяев, характеризуя «новое религиозное сознание» как жажду новых откровений, обращение вперед, называет Мережковского центральной фигурой в новом типе религиозной мысли. По словам Бердяева, «целое течение окрашено в цвет «мережковщины», принимает его постановку тем, его терминологию, устроенность». Мережковский является создателем целой религиозной конструкции, целой системы неохристианства. Он претворил в своей конструкции и темы Толстого и Достоевского, и религию «плоти» Розанова, и хилиастическую «правду о земле» Тернавцева, и все споры религиозно-философских собраний об отношении христианства к культуре и к земле, и все предчувствия нового откровения. В нем меньше религиозной инициативы, чем у Розанова и Тернавцева, но значение его (было) основное для интересующего нас типа религиозной мысли.

В. В. Розанов выделяет два источника, из которых образовалось «новое религиозное сознание»: 1) то, что в пушкинской речи Достоевский назвал «русским мировым скитальчеством», «тоскою русского человека», а в «Подростке» он же определил как «благородную грусть русского дворянина», представителем которого и являлся Д. Мережковский и 2) из второго, более практического источника, который случайно привел к массе теоретических открытий, — из семейной нужды русского православного человека [2; 57].

Современный историк русской философии М. А. Маслин считает, что всплеск религиозного интереса в начале XX в. был вызван стремлением пересмотреть многие положения православного вероучения, соединить свободу творческого поиска с верой в Бога [3; 401]. Одной из главных причин возникновения идеи построения Новой Церкви, принципиально нового духовного идеала является кризис исторического христианства и официальной церкви, утрата ими духа свободы и творчества. По мнению инициаторов и представителей «нового религиозного сознания», традиционное христианство закоснело в формальной обрядовости и исчерпало себя, на смену ему должно прийти «новое христианство», для воплощения которого нужна новая церковь.

Согласно Н. О. Лосскому, «представители «нового религиозного сознания» обвиняли историческое христианство в переоценке аскетизма, в недостатке внимания к брачному союзу, в подчинении церкви языческому государству, а также в том, что церковь не ведет работы в направлении совершенствования мира» [4; 136]. В. В. Зеньковский определяет недостатки исторического христианства, основываясь на взглядах Мережковского: «оно не вместило в себя всей правды о земле, было односторонним выражением христианского благовестия, не вместило в себя культуру» [5; 337].

Таким образом, мыслителей «нового религиозного сознания» не устраивало, что мир-космос, мир-общество, человек во плоти не входили в область церковного христианства; плоть, с их точки зрения, должна была быть так же священна, как и дух. Главным недостатком традиционного христианства Мережковский считал полное игнорирование церковью общественных нужд, требований развития культуры и общества: историческое христианство, по его словам, за все свое существование, «пальцем не двинуло для общественного блага людей, спасения их от рабства и голода». Христианство (Мережковский имеет в виду историческое христианство, противопоставляемое в его доктрине религии Духа, Третьего Завета) — не преодолело мистически, а только логически устранило противоположность двух начал, утвердив одно в ущерб другому, дух — в ущерб

плоти. Вместо синтеза произошло поглощение тезиса антитезисом. Дух понят не как внутренний процесс движения, восхождения, преобразования плоти от низшего состояния к высшему, а как абсолютное отрицание, умерщвление плоти. Мережковский не отвергает Церковь, он критикует недостатки реальной, исторически данной церкви, с одной стороны, а с другой — утверждает новую, вселенскую, совершенную, идеальную Церковь Третьего Завета, идея и смысл которой состоит в «свободном» и «любовном» соединении людей в Боге.

Мережковский анализирует причины ухода человечества из церкви. Первой является религиозный индивидуализм, порожденный реформацией, то, что происходит внутри культуры; другая причина заключается в том, что происходит внутри самой исторической церкви: «Все недвижимое, не творящее истории еще подвластно, по инерции, церкви; но все творчески-живое, передовое, носящее на себе печать молодости и таящее в себе залог будущего не может поместиться в церковь и выходит из нее. Духовный разрыв с церковью идет по линии вопросов, известных каждому культурному человеку. Всякий знает, что он не находит в церкви удовлетворения своему разуму, своей свободе, своему творчеству и освобождению общественному». Мережковский убежден, что в церкви должно воскреснуть творчество. Он приходит к осознанию необходимости создания идеальной религии, которая еще не осуществлена. Его религия сводится к религиозному идеализму и входит в его мечту о совершенном бытии [6; 251].

Свою деятельность по созданию новой церкви Мережковский, Гиппиус, Философов воспринимали как нравственный долг перед Россией, современниками и следующими поколениями. На рубеже веков мыслитель решительно повернулся к христианству: «правда о земле» и «правда о небе» соединяются, по мысли Мережковского, в учении Христа, понятом по-новому, как Третий Завет или религия Духа. «Это был некий удивительный миф, выраставший из потребности сочетать земное и небесное, божественное и человеческое в конкретной реальности. Из глубин мистического реализма церковная мысль сразу восходила к размышлениям о «тайне истории», о сокровенной и священной стороне внешней исторической реальности» [7; 46-47]. Суть религиозно-философской доктрины писателя заключалась в попытке синтеза «нового язычества», утверждающего культурные ценности, но нарушающего принцип гуманистического универсализма (т. е. отрицающего Бога) с «новым христианством», «принимающим Бога», но платонизирующим мир. Эти попытки привели мыслителя к хилиазму, к идее тысячелетнего Царства вторично пришедшего Христа.

Впервые идея Новой Церкви прозвучала у мыслителя в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1899). Мережковский высказывает мысль, которая станет основой «нового религиозного сознания»: в многовековой истории христианства оказались абсолютно разведенными между собой дух и плоть, причем, как правило, только дух признавался божественным и святым, а плоть отвергалась как источник зла: «Историческое христианство, — пишет Мережковский, — усилило один из мистических полюсов святости в ущерб другому — именно полюс отрицательный в ущерб положительному, — святость духа в ущерб святости плоти, дух был понят как нечто не полярно противоположное плоти и, следовательно, все-таки утверждающее, а как нечто совершенно отрицающее плоть, как бесплотное. Бесплотное и есть для исторического христианства духовное и, вместе с тем, «чистое», «доброе», «святое», «божеское», а плотское — «нечистое», «злое», «грешное», «дьявольское» [8; 512].

Далее Мережковский излагает идеи о Единой Вселенской Церкви: «когда начнет совершаться Второе Пришествие, когда сила отталкивания, отрицания, умерщвления плоти заменится силою притягивания, утверждения, воскресения плоти, тогда и будущая Церковь Западно-Восточная обретет свое всемирно-исто-

рическое имя и действие — явится как церковь Иоанна, рядом с Церковью Петра и Павла; тогда кончится отступление Петра; и Петр соединится с Иоанном, и примирит Иоанн Петра с Павлом; православие — свобода Христова в любви, примирит католичество с протестантством — веру с разумом. И в этом окончательном соединении церковей трех Верховных Апостолов — Петра, Павла, Иоанна в единую соборную и апостольскую, уже действительно вселенскую церковь Святой Софии, Премудрости Божией, коей глава и первосвященник Сам Христос, совершатся последние судьбы христианского мира. В связи с этим для мыслителя очень важное значение имела выдвинутая им схема исторического развития, согласно которой христианское Откровение только постепенно становится достоянием человечества, и три этапа этого процесса связаны с «Тремя Заветами», которые последовательно обретаются человечеством: Первый завет — религия Бога в мире (Ветхий Завет, дохристианские религии), Второй Завет — религия Бога в человеке (Новый Завет, христианство), Третий Завет — религия Бога в человечестве (религия у Святого Духа, неохристианство). Только третий этап снимает дуализм плоти и духа, мира и человека и дает их синтез.

Основополагающее значение религии для человека Мережковский утверждает в сборнике «Не мир, но меч» словами: «Человек — животное религиозное». Две величайшие реальности бытия — любовь и смерть — ведут человека к необходимости религии. Мир без религии — бессмыслица, зло, потому что остается неразрешимым противоречие между любовью и смертью. Единственный выход из мировой антиномии жизни и смерти мыслитель видит в глубочайшей религиозной воле и высочайшем религиозном сознании.

Значение религии основополагающее и для искусства. В религии разрешаются противоречия между жизнью и искусством. Высшее искусство «всемирно», «соборно», но всемирным и соборным может быть искусство религиозное. Искусство не религия, а служит религии. В глубине искусства религия и в глубине жизни тоже религия. Религия соединяет искусство с жизнью, так как «religio» означает соединение, связь. Это первая и последняя связь всех вещей, соединение всего разъединенного. Если вынуть ее, то все распадается. Распад искусства и жизни — только частный случай распада общего. Религия «соединяет искусство с жизнью не мимолетною радугой гроз, а вечною твердью всемирного творчества, под которой проходят все грозы, сияют все радуги личного гения» [9; 253]. О соотношении религии и нравственности Мережковский размышляет в статье «Религиозное народничество». Он убежден, что религия глубже, чем нравственность. Не потому люди верят во что-то, что делают что-то, а потому, что верят — делают. Умственная беспомощность переходит в нравственную безудержность. Исчезает религия — исчезает нравственность. Умственно беспомощным и нравственно безудержным делает не что иное, как именно слабость, смутность религиозного сознания. Безрелигиозность ведет к безнравственности.

Особенное место в теории «Третьего Завета» Д. С. Мережковского занимает поиск ответов на предельные, конечные вопросы бытия, связанные с метафизическими основаниями добра и зла. Данной тематике посвящены такие работы мыслителя, как, например, «Достоевский», «Грядущий Хам», «О новом религиозном действии (открытое письмо Н. А. Бердяеву)», «Мистические хулиганы», «Гоголь и черт», «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», «Пророк русской революции», «Цветы мещанства». Проблема зла интерпретируется писателем в статье «Грядущий Хам». В этой знаменитой работе он создал образ, который навсегда вошел в нашу жизнь, русскую культуру, стал нарицательным. Мыслитель ни разу не упоминает библейского персонажа, сына Ноя, отца Ханаана, по имени Хам, который надсмехался над отцом, отвернулся от него. Грядущий Хам для Мережковского — это образ Антихриста, из того мира в этот идущего зла,

образ князя мира сего, Лжеца и отца лжи. Именно Мережковский впервые ввел в русскую общественную мысль понятие хамства как явления не бытового, а философского, нравственного, психологического и политического, связав его с представлениями о черте, грядущем князе Мира сего. Многие исследователи отмечали глубокий смысл понятия «хамство» в интерпретации Мережковского. Борьба между Христом и Антихристом, о которой часто писал мыслитель, принимала формы борьбы духовности с грядущим хамством. Хамство для Мережковского было синонимом бездуховности, материализма, позитивизма, мещанства, атеизма, но не социальной характеристикой. П. Басинский предлагает культурологическую интерпретацию статьи Мережковского. «Отныне мы имеем дело с Хамом не вечно Грядущим, но вечно Уходящим. Хам уходящий есть везде, где существует культура, святыни, нечто, что нуждается в охране и защите. Хам — сын этой культуры, плоть от плоти, кровь от крови. Задачи интеллигенции в этом случае определяются так: «хранить пепел стынувшего очага русской культуры, не доверяться вечно изменчивому и обреченному на поражение Уходящему Хаму. Самое важное место в статье Мережковского, в его «теории хамства» — вывод, согласно которому «Хама Грядущего победит лишь Грядущий Христос» [10; 212-228].

Таким образом, путь преодоления зла, воплощенного в хамстве, выражается в уважении к великим культурным традициям, необходимости охраны культурных ценностей. В социальном плане противостояние хамству заключается в обретении высших духовных ориентиров, то есть в обращении к религии, которая утверждает вечные моральные ценности и открывает возможности для нравственного совершенствования. Уравнивая Хама с Антихристом, Мережковский обнаруживает его личины, тем самым он раскрывает многообразные формы проявления Зла. Философ призывает не бояться никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы... Бояться необходимо лишь одного — «рабства и худшего из рабств — мещанства и худшего из мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и есть Хам, а воцарившийся Хам и есть черт... новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [11; 175].

Статья «Тайна русской революции (опыт социальной демонологии)» стала итогом осмысления Мережковским проблемы зла, бесовства. Данная работа посвящена развитию основной мысли философа «о русской беде как части беды всемирной».

Мережковский «новой религией» утверждал религиозно-этические ценности Царствия Божьего на земле в единстве и взаимосвязи, констатировал основополагающее значение религиозности для общественной, духовной, нравственной и культурной жизни. Вера и религия, согласно Мережковскому, преображают внешний и внутренний, созерцательный и деятельный мир, науку, культуру, нравственность, общественность. Мир без религии — бессмыслица, зло, потому что остается неразрешимым противоречие между любовью и смертью. Единственный выход из мировой антиномии жизни и смерти мыслитель видит в глубочайшей религиозной воле и высочайшем религиозном сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2-х т. Ростов-н/Д: Феникс, 1999. 544 с.
2. Розанов В. В. Представители «нового религиозного сознания»? / Человек. 1999. № 6. С. 62-72.
3. Маслин М. А. История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М. А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. 639 с.

- 4 Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1999. 559 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2-х т. Ростов-н/Д: Феникс, 1999. 544 с.
6. Мережковский Д. С. Грядущий Хам. Больная Россия: Избранное. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 267 с.
7. Мережковский Д. С. Вечные спутники. Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. М.: Школа-пресс, 1996. 736 с.
8. Там же.
9. Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910-1914; невоенный дневник. 1914-1916 / Сост. предисл. Е. Г. Домагацкой. М.: Аграф, 2001. 512 с.
10. Басинский П. Хам уходящий: «Грядущий хам» Д. С. Мережковского в свете нашего опыта / Новый мир. 1996. № 11. С. 212-228.
11. Мережковский Д. С. Грядущий Хам. Больная Россия: Избранное. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 267 с.

*Людмила Евгеньевна КОВАЛЕВА —
соискатель кафедры философии*

УДК 004

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИЯХ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме культурной политики, анализу существующих определений культурной политики с точки зрения западноевропейского и российского подходов.

The clause is devoted to analyze of cultural policy definitions from European and Russian point of view.

С переходом человечества к постиндустриальному обществу проблемы культуры и культурной политики становятся все более актуальными. Культура из отдельной сферы человеческой деятельности постепенно превращается в ресурс развития всего общества. В связи с этим обостряется проблема внятного формулирования культурной политики на различных уровнях власти от государственного до локального. Современная культурная политика предполагает наличие концептуальных оснований. Концептуализация культурной политики возможна только при внимательном изучении различных подходов к проблеме, в частности, европейских и отечественных культурологов.

Европейскую точку зрения на проблему культурной политики отличает прагматизм, основанный на опыте почти сорокалетнего сотрудничества европейских государств в области культуры. «...прагматизм привел к появлению некоторых консенсусов, которые стали общими критериями» [1]. Успешные многолетние исследования в сфере практической реализации культурной политики, осуществленные Советом Европы, позволили обобщить результаты и выработать теоретические обоснования культурной политики. [2]

Попытка концептуального анализа западноевропейского подхода предпринята, в частности, Л. Востряковым, который подробно рассмотрел несколько трактовок понятия «культурная политика», предложенных ведущими европейскими теоретиками в области культурной политики. «Одно из первых определений этого термина было дано на круглом столе ЮНЕСКО в 1967 г. в Монако. В докладе «Политика в сфере культуры — предварительные соображения» под политикой в сфере культуры было решено понимать «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и проце-